

Заря Востока

ВРЕМЕН ОСУЩЕСТВЛЯЯ СВЯЗЬ...

Эстафета поколений! Привычные слова, четкое понятие. Преемственность традиций прослеживается не только в больших масштабах. Пример тому судьба, характер, интересы московского ученого-математика Константина Константиновича Марджанишвили.

Москва. Улица Георгию-Дежа. На пороге квартиры меня встречает седой человек с удивительно молодым лицом, говорит, протягивая руку:

— Будем знакомы: Котэ Марджанишвили. И с улыбкой добавляет: — Младший...

Найдется ли в стране хотя бы один любитель театра (да и просто культурный человек), которому незнакомо имя Котэ Марджанишвили, основоположника грузинского советского театра, крупнейшего советского режиссера?..

Передо мной сын Котэ Марджанишвили — Константин Константинович, крупный советский математик, член-корреспондент Академии наук СССР, заведующий отделом математического института им. Стеклова АН СССР. Он ни минуты не сидит на месте, движения резки, порывисты (ну, как тут не вспомнить Котэ Марджанишвили — старшего, которого современники сравнивали с бурей, шквалом, землетрясением и т.п.). Константин Константинович рассказывает о своей жизни.

Родился в 1903 году в Москве. С детства узнал, что такое бродячая актерская жизнь (мать Надежда Дмитриевна Живокини-Марджанишвили — потомственная актриса, игравшая во многих спектаклях, поставленных мужем). С 1921 года — студент Петроградского университета, после его окончания преподает в вузах Тбилиси. С 1934 года по сей день работает в Москве, в институте имени Стеклова. Профессор, доктор физико-математических наук. Коммунист, на протяжении многих лет — член партбюро института...

Короткие штрихи биографии ученого-грузиника. Но сколько мужества и вдохновения кроется за ними! Ведь каж-

дый день, каждый час этой жизни неразрывно связан с партией, с народом. Неужели эта неукротимая вера и преданность народу, то, что называют «гражданственностью», тоже передается по наследству, как эти живые глаза, бурлящий темперамент, резкость, стремительность, доброта?

...Шел боевой 1919-й год. В освобожденном от белых Киеве налаживалась мирная жизнь. Как молодые побеги под рукой землепашца, поднимаются и расцветают первые ростки советской культуры. Котэ Марджанишвили-старший, к тому времени уже театральный режиссер с мировым именем, здесь, в Киеве создает свой знаменитый спектакль — «Овечий источник» Лопе де Вега.

В зале театра, еще хранящем запахи дорогих духов и шелест изысканных туалетов, новый зритель — рабочие, красноармейцы. И в финале спектакля, как всегда у Марджанишвили, веселого и искрометного, когда восставшие крестьяне празднуют победу над угнетателями, происходит неожиданное — зрители встают, весь зал поет «Интернационал»...

...Годы первых пятилеток. Страна ощущает острую нужду в научных, инженерных кадрах. Аудитории вузов заполнены бывшими красноармейцами, рабочими, крестьянами — людьми, которым суждено превратить нищую, отсталую страну в великую индустриальную державу. Молодой преподаватель Тбилисского политехнического института Котэ Марджанишвили-младший работает по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки — лекции, семинары, общественная деятельность. Едва оставалось время, чтобы забежать на репетицию к отцу по дороге с Арсенальной горы, где находился институт, в Ваке — в Лесотехнический институт. Вечерами такая усталость, что руки не поднять, но нужно готовиться к завтрашнему дню, а утром — снова семинары, лекции... Да и как можно было жить иначе?

— Константин Константинович, вы, конечно, помните многие постановки вашего отца?

— Я видел почти все его спектакли. Можно сказать, даже присутствовал при их рождении. Да что там — при рождении! Он на моих глазах вынашивал их, болел ими. Через год отцу сто лет бы исполнилось, да и я, как видите, далеко не мальчик...

— Как получилось, Константин Константинович, что вы, сын артистов, посвятили жизнь богине точных наук — математике?

— Не забывайте, что я не только сын Котэ Марджанишвили, но и внук Александра Марджанишвили. А дед мой

был хорошим военным инженером, что, правда, не мешало ему заниматься литературой — он переводил Дюма на грузинский. С другой стороны, и отец стал большим человеком в искусстве по традиции — ведь бабушка моя из рода Чавчавадзе, да-да, Илья Чавчавадзе — наш родственник.

И я в юности пробовал силы в литературе — переводил для отца тексты опер Моцарта и Глюка, помогал ему согласовывать стихотворный текст с музыкой. Но призвание есть призвание — и я стал математиком. Хотя, должен сказать, что противоречия между наукой и искусством не существует — при доказательстве иной теоремы испытываешь буквально эстетическое наслаждение, как если бы слушал хороший симфонический концерт — я музыку очень люблю!

— А кто был вашим «кредным отцом» в математике?

— Никогда не забуду, как Николай Иванович Мухелишвили говорил мне: «Котэ, ты должен серьезно заняться исследованиями, в этом — твое счастье!» Но куда там — лекции, семинары, снова лекции — стране нужны были инженеры, много инженеров! Лишь после смерти отца я с головой ушел в науку. Позже, в Москве, огромную помощь оказывал мне крупнейший советский математик, академик Иван Матвеевич Виноградов. Я уж и не знаю, как мне благодарить своих учителей, ведь я действительно нашел в математике свое счастье...

— У вас большая нагрузка, и научная, и общественная. Трудно вам, наверное, приходится.

— Бывает трудно, ну, а как без этого? Я очень люблю свою работу. Не смейтесь, но работа математика в чем-то сходна с трудом режиссера — ведь нужно добиться, чтобы цифры и формулы, каждая из которых играет свою собственную роль, объединились в ансамбль и все вместе создала гармоничную картину физического явления. А что мне шестьдесят восьмой год пошел — не беда! Молодежь не дает стариться, да и дел столько, что на две жизни хватит.

Константин Константинович рассказывает:

— Каждый год я приезжаю в Кварели — на родину отца. Там уже много лет открыт Дом-музей Котэ Марджанишвили, мы с матерью передали туда личные вещи отца, письма, фотографии. Много, очень много друзей у меня в Грузии — мои ученики (многие из них стали крупными учеными), работники Дома-музея, да и родственников немало.

...На прощанье Константин Константинович крепко жмет мою руку и говорит, как бы подводя итог: «Наука должна делать людей счастливыми». На какое-то мгновение мне кажется, что передо мной не сын, а отец, любимыми словами которого были: «Театр должен нести людям радость». Как будто бы не промчались годы, не ушли безвозвратно, а лишь выросли, поселились, вознеслись к небу кавказскими пиками в неразрывном единстве прошлого и будущего...

Выхожу на шумную московскую улицу весь под впечатлением этой встречи.

Я думаю об отцах и детях, о благодарных внуках. О людях, осуществляющих связь времен, связь науки и искусства, вечную дружбу России и Грузии.

В. КРАСКО.